

## **ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ ВАЖНО ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Сегодня одной из наиболее популярных тем, занимающих общественное сознание, является тема роли российской интеллигенции в мировой цивилизации. Писатели, артисты, инженеры, медики, экономисты, юристы, историки, философы, социологи, учителя, офицеры, священнослужители, в средствах массовой информации, на различных собраниях и митингах, в дружеских беседах в узком кругу за последние 10 – 15 лет ведут нескончаемые споры о том, что современная интеллигенция должна делать сейчас, в трудное и переломное время в истории Отечества. Извечные русские вопросы "кто виноват?" и "что делать?", переходящие в глобальное "быть или не быть?" тревожат интеллигенцию, осознающую свою ответственность за судьбы страны. Найти ответы на эти вопросы может лишь человек, осознавший свое место в обществе, уяснивший социальные потребности и интересы своей социальной группы, усвоивший уроки истории. И поэтому совершенно необходимым представляется изучение каждым начинающим специалистом истории той группы, в которую он вливается.

Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что при всём огромном потоке философской, социологической, исторической и другой обществоведческой литературы по интеллигенции наше понимание объекта исследования — интеллигенции — не намного углубилось по сравнению с теми временами, когда был предложен этот термин и слово "интеллигенция" стало фактом русского языка. Так, большинство специалистов-обществоведов едины в том, что история интеллигенции уходит в глубь веков, между тем статьи с таким названием нет в Универсальном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, изданном на рубеже XIX — XX веков и отличающимся необычайно широким охватом различных областей знаний. До сих пор идут споры о том, каковы границы социальной группы интеллигенции, каковы критерии отнесения к этой группе, является ли интеллигенция специфически российским явлением, отличающимся от западных интеллектуалов, представляются ли сегодняшние работники науки, культуры, искусства, образования и просвещения наследниками российской дореволюционной интеллигенции, или та прекратила своё существование в советское время, и мы сегодня имеем, по словам А.И. Солженицына, лишь "образованщину".

Данная проблематика должна интересовать всех интеллигентов и круг лиц, высказавших свое мнение по обозначенным проблемам, чрезвычайно широк, список литературы по интеллигенции насчитывается десятки тысяч названий<sup>1</sup>. Многие работы носят полемический характер, авторы выражают неудовлетворённость состоянием изученности той или иной проблемы, часто ёрничают над выводами своих предшественников, предлагая результаты собственных изысканий в качестве итоговых. Характерна в этом плане работа Е.И. Лозинского, вышедшая в 1907 году, название которой претендует на подведение итогов дискуссии: "Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт)" (СПб., 1907). Мы видим, что и через 100 лет, в начале XXI века этот вопрос по-прежнему волнует интеллигентов.

Как ни странно, в этом море обществоведческой литературы по проблемам интеллигенции собственно исторических работ не так много. Велико количество публикаций, содержащих общие философские и социологические рассуждения об интеллигенции, но ощущается острая нехватка конкретно исторических работ, где рассмотрение исторического процесса ведётся на основе исторических фактов. Данная работа написана профессором истории для начинающих специалистов, вливающих в ряды современной отечественной интеллигенции. Но свою задачу автор видит не в том, чтобы читатель данной работы запомнил и усвоил определённый набор фактов, дат и имён. Он надеется, что знание общих закономерностей генезиса, динамики воспроизводства интеллектуального общественного слоя скажется на формировании мировоззрения молодого интеллигента, поможет ему осознать собственное место в историческом процессе, выработает у него самосознания российского интеллигента. Автор также надеется, что будущие дискуссии о месте и роли интеллигенции в истории страны, в которых участники будут опираться на исторические знания станут более плодотворными.

---

<sup>1</sup> См. библиографические указатели по данной теме: Литинский А.И. Об интеллигенции. Краткий указатель литературы. М., 1939; Советская интеллигенция. Советская историческая и философская литература за 1968 – 1977 годы. Новосибирск, 1988; Интеллигенция в политической истории 2-ой половины XIX – XX века. Библиографический указатель литературы 1987 – 1991 гг. Иваново, 1992.

## ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Большинство исследователей склонно считать, что интеллигенция как социальная группа, играющая роль в общественном процессе, в России появилась, в середине XVIII века. Однако изучение, этой социальной группы началось гораздо позже, во второй половине XIX века<sup>2</sup>. В начале XX века, на пороге революционных потрясений тема роли интеллигенции в общественной жизни, ее ответственности за судьбы России вызывает острейший общественный интерес, что отражено в значительном количестве публикаций<sup>3</sup>. В марте 1909 года вышел в свет сборник статей семи широко известных общественно-политических кругах России начала XX века философов, экономистов, юристов, литераторов и публицистов "Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции" (М., 1909), вызвавший широчайший резонанс в России и за рубежом. Этот резонанс объяснялся тем, что в "Вехах" были затронуты, многие жизненно важные для интеллигенции вопросы, первым среди которых был вопрос об отношении интеллигенции к власти и к народу. Менее чем за год после выхода в свет, первого издания «Вех» в периодической печати было опубликовано более 220 статей, рецензий и разного рода откликов, было быстро подготовлено и издано несколько контрвеховских сборников: "В защиту интеллигенции"

---

<sup>2</sup> См., напр., Денисенко Ф. Роль интеллигенции. Одесса, 1884; Каблиц Л.И. (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886; Интеллигенция, народ, буржуазия // Дело. 1881. № 12. с. 1 – 16; Воронцов В.П. Очерки современных направлений: Производительные классы и интеллигенция в России // Новое слово. 1896. № 6; Либералы и консерваторы о задачах интеллигенции // Книжка недели. 1896. № 8; Мандельштам М.Л. Интеллигенция как категория капиталистического строя. Казань, 1890; Оболенский Л. Представляет ли собой интеллигенция общественный класс // Новое слово. 1896. № 7; Филиппов М.М. Теория критически мыслящей личности // Научное обозрение. 1900. № 4; и др.

<sup>3</sup> Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. Женева, 1904; Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910; Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия. М., 1908; В защиту интеллигенции: Сборник статей. М., 1909; Вехи. М., 1909; Виннер Р. Две интеллигенции и другие очерки. М., 1912; Добрышин Б.В. Задачи современной интеллигенции. СПб., 1909; Зайцев Д. Марксизм и махаевщина. К вопросу об интеллигенции // Образование. 1908. № 3. с. 35 – 71; Иванов-Разумник Р. Об интеллигенции. СПб., 1910; Он же. История русской общественной мысли. СПб., 1907; Он же. Что такое интеллигенция. Берлин, 1920; Он же. Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции. СПб., 1908; Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. с. 72 – 94; Интеллигенция в России. СПб., 1910; Каутский К. Интеллигенция и социал-демократия. СПб., 1906; Коган П.С. Народ и интеллигенция. М., 1917; Лафарг П. Социализм и интеллигенция. СПб., 1906; Лозинский Е.И. Лев Толстой об интеллигенции и рабочем вопросе. СПб., 1911; Он же. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб., 1907; Махайский В. (А. Вольский). Умственный рабочий. М., 1906; Милюков П.Н. Очерки из истории русской интеллигенции. СПб., 1903; Назаревский Б.В. Бюрократия и интеллигенция. М., 1906; Николаев А.А. Интеллигенция и народ. М., 1917; Николаев А.А. Хлеб и свет. Материальный и духовный бюджет трудовой интеллигенции. СПб., 1911; Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. М., 1907; Одноблюдов В.Н. Трагедия современного интеллигентного общества. Елец, 1915; Пешехонов А.В. К вопросу об интеллигенции. СПб., 1906; Он же. Новый подход против интеллигенции // Русское богатство. 1909. № 4. с. 100 – 126; По вехам. М., 1909; Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906; Смирягин А.Н. Интеллигенция и народ. СПб., 1903; Соколов Н.М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904; Он же. Русские святые и русская интеллигенция. СПб., 1904; Рязанов Д.Б. Две правды. Народничество и марксизм. Очерк из теории русской интеллигенции. Пг., 1918; Шулятиков В. Из теории и практики борьбы. Происхождение командующих классов. Основы их идеологии. Вопрос об интеллигенции. М., 1907; и др.

(М., 1909), "По вехам. Сборник об интеллигенции и «национальном лице»" (М., 1909), "Интеллигенция в России" (СПб., 1910), «"Вехи" как знамение времени» (М., 1910). Широкие круги интеллигенции принимали участие в многочисленных публичных диспутах по, проблемам, поднятым «Вехами», представители, различных общественно-политических течений посчитали необходимым определиться в отношении идей "Вех"<sup>4</sup>. Сборник "Вехи" и отклики на него являлись документальным подтверждением осознания интеллигенцией поворотного момента в своей истории и этапом в ее самопознании.

Новый этап в самопознании, российской интеллигенции начинается после Октябрьской революции с публикацией сборника "Из глубины" (М., 1918), в котором интеллигенты-«веховцы» пытались переосмыслить свои идеи в свете последовавших событий<sup>5</sup>. Этот сборник подводил итоги большевистской революции и предрекал катастрофу гражданской войны. Авторы сборника призывали русскую интеллигенцию к пересмотру тех верований, которыми она до того жила, которые привели ее к "великим разочарованиям 1905 года" и которые, как предвидела она, должны были привести к еще более тяжелым разочарованиям в будущем. Речь, шла о социалистических идеях, связанных с именами Бакунина и Чернышевского, Лаврова и Михайловского и явившихся, по мнению авторов сборника, величайшим несчастьем и России, и самой интеллигенции, традицией, ведущей к бездне и гибели. Средство, отворотить беду, авторы сборника видела в возврате к идеям Чаадаева, Достоевского, Владимира Соловьева. В результате Гражданской войны в России, гонений на интеллигенцию, массовой эмиграции интеллигентов многие авторы сборников вместе с многочисленными другими представителями либеральной и религиозно мыслящей интеллигенции оказались отлученными от страны и от общества. Начинается новый этап в жизни российской интеллигенции, и в осмыслении ею исторической действительности. Споры о судьбах интеллигенции в судьбах страны, об ответственности интеллигента за будущее Родины перенесли в эмиграцию, где наиболее ярким их проявлением стал сборник статей "Смена вех" (Прага, 1921) предлагавший интеллигенции ради, спасения России идти, на сотрудничество с большевиками. В то же время в Советской России, несмотря на большой интерес к идеям эмигрантов, основное внимание уделяется дискуссиям сторонников марксизма о роли интеллигенции в социалистическом строительстве<sup>6</sup>.

Упомянутые работы не были собственно теоретическими или историческими. Задачей своих публикаций авторы видели отклик на животрепещущие проблемы дня,

---

<sup>4</sup> Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909 – 1910 гг. / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисловие В. Шелохаева. М., 1991.

<sup>5</sup> Из глубины: Сборник статей о русской революции. (Перепечатка издания 1918 г.) М., 1991.

<sup>6</sup> Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923 – 1925 гг. Новосибирск, 1991.

данные работы имели, чисто практическое политическое звучание, то есть оставались по сути дела работами публицистическими несмотря на высказываемые в них порой глубокие философские мысли, требующие теоретического осмысления. Сопоставимые по характеру работы В.И. Ленина, и позже его ближайших соратников с конца 1920-х годов, начали выделяться в особую категорию трудов, имеющих важнейшее теоретико-методологическое значение. В дальнейшем они были представлены советскими обществоведами в качестве основы марксистско-ленинской концепции интеллигенции.

А В.И. Ленин, говоря об интеллигенции, подчеркивал, что она «не есть **самостоятельный** экономический класс...»<sup>7</sup>, что она образует, "**особый слой** современных капиталистических обществ"<sup>8</sup>. Особое положение интеллигенции состоит в том, что она является межклассовым социальным слоем, ибо занимает «своеобразное положение среди других классов...»<sup>9</sup>. В.И. Ленин также подчеркивал, что «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее, отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во, всем обществе»<sup>10</sup>.

Создание в кратчайшие сроки «социалистической интеллигенции» являлось, по мнению вождя большевиков, одной из насущных задач победившей диктатуры пролетариата. В первую очередь речь шла о том, чтобы «в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих...»<sup>11</sup>. Другим направлением создания «социалистической интеллигенции» было привлечение на сторону пролетарского государства «старых спецов», что В.И. Ленин считал одной из форм классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период<sup>12</sup>. Он указывал, что "организованная творческая дружная работа, должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы, они ни сопротивлялись и ни боролись, на каждом шагу..."<sup>13</sup>. Одной из черт будущего, коммунистического общества В.И. Ленин видел, вытеснение старой интеллигенции, отягощенной массой буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков, высококультурными и политически грамотными специалистами, выросшими, из рабочих и крестьян. Уже в 1919 г. В.И. Ленин видел реальные плоды политики большевиков, основанной на его теории: "Интеллектуальные силы рабочих, крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее

---

<sup>7</sup> Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 14. с. 191.

<sup>8</sup> Там же. Т. 8. с. 254.

<sup>9</sup> Там же. Т. 4. с. 209.

<sup>10</sup> Там же. Т. 7. с. 343.

<sup>11</sup> Там же. Т. 44. с. 337.

<sup>12</sup> Там же. Т. 39. с. 264.

<sup>13</sup> Там же. Т. 38. с. 143.

пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно"<sup>14</sup>.

Теоретические установки В.И. Ленина были развиты его соратниками и учениками. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., рассматривая, социально-классовое развитие советского общества, И.В. Сталин объединил "новую буржуазию", под которыми понимались тогда нэпманы, и интеллигенцию в одну группу<sup>15</sup>. Он выделил положение о росте контрреволюционных настроений в среде интеллигенции по мере увеличений успехов социализма. Из интеллигенции была выделена группа лояльной, трудовой технической интеллигенции, "ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему"<sup>16</sup>. Так началось формирование догматической схемы, механически детерминированной участием в производственном процессе, где вся интеллигенция делилась на контрреволюционные верхи, оторванные от народа, и революционные низы, политически близкие пролетариату, а также колеблющуюся середину.

С конца 1920-х годов работы, посвященные проблемам, связанным с историей и теорией места интеллигенции в обществе, становятся редкими, и представляют собой, в основном, комментирование высказываний большевистских вождей<sup>17</sup>. Такое положение сохранилось до смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. и последовавшими за ней историческими событиями, вызвавшими к жизни явления известные под названием "оттепели".

В это время интеллигенция, словно воспрянувшая от тяжелого сна, вновь начинает размышлять о своей исторической роли. Наблюдается заметное оживление культурной жизни, появляются новые явления в литературе, науке, искусства. Поиски исторической истины вне рамок заданных схем приводят к возникновению в исторической науке «нового направления», что повлияло на появление первых собственно исторических работ, посвященных интеллигенции. В этой связи необходимо отдать должное тем историкам, которые в сложнейших условиях поставили перед собой и решили трудную задачу раскачивания "несущих конструкций" догматического сооружения "марксистко-

---

<sup>14</sup> Там же. Т. 51. с. 48.

<sup>15</sup> Сталин И.В. Соч., т. 10. с. 317.

<sup>16</sup> Там же. С. 318.

<sup>17</sup> Воровский В.В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Воровский В.В. Соч. т. 2. М., 1931; Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма-ленинизма. 1939. № 8; Ковалёв С.М. Интеллигенция в советском государстве. М., 1946; Константинов Ф. Советская интеллигенция // Коммунист. 1959. № 15; Процько М.А. О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1953; Сыркин Л. Махаевщина. М. – Л., 1931; Он же. Что такое махаевщина // Правда. 1938, 18 ноября; Тандит Л. Партия Ленина – Сталина и социалистическая интеллигенция. М., 1939; Он же. О роли интеллигенции прежде и теперь // Историк-марксист. 1939. Кн. 1. с. 71 – 84; Он же. О старой и новой интеллигенции. Ростов-на-Дону, 1939 и др.

ленинского учения об интеллигенции". Так, лишь после длительных дискуссий с оппонентами С.А. Федюкину в первой половине 1960-х годов удалось опровергнуть сталинскую формулу о "революционности низов" и «контрреволюционности верхов» российской интеллигенции<sup>18</sup>. Поток литературы по проблематике, связанной с интеллигенцией, вновь становится мощным. Только за 10 лет с 1968 по 1977 годы было опубликовано более двух тысяч работ философов, социологов, историков и других специалистов<sup>19</sup>. Конечно, далеко не все, из этих работ представляли, собой новый шаг по сравнению с комментированием высказываний классиков марксизма-ленинизма, принятым в 1930-е – 1950-е годы. Запрограммированность классово-дуалистической схемы порой не оставляла места для объективного рассмотрения исторического процесса. Не учитывались диалектические процессы в истории интеллигенции, что приводило, например, к переносу характеристик начала XIX века на интеллигенцию конца XX века, и наоборот. Вынужденные, как и прежде, руководствоваться марксистско-ленинской методологией, историки не смогли продвинуться далеко по сравнению с началом 1960-х годов. Почти два десятилетия в истории интеллигенции не наблюдалось существенных сдвигов, принципиального пересмотра концепций, появления качественно новых взглядов, а во многом возраставший интерес к данным историческим сюжетам расплылся по крайне узким темам. Российская интеллигенция рассматривалась лишь как объект истории, за который шла борьба классов и их политических партий. Типичными темами исторических исследований были «Борьба КПСС за интеллигенцию», "Привлечение интеллигентов на сторону Советской власти", "Работа большевиков по перевоспитанию буржуазной интеллигенции" и т.п. Самостоятельная роль интеллигенции как субъекта общественного процесса в исторических судьбах России до Октябрьской революции изучалась лишь в плане ее участия в освободительном движении.

Советские историки были вынуждены двигаться в русле отработанных направлений. Взгляды зарубежных, исследователей, в том числе неомарксистов и пост-марксистов учитывались лишь, в плане их однозначно негативного восприятия. Ряд проблем, в истории, отечественной интеллигенции вообще не изучался, некоторые

---

<sup>18</sup>Федюкин С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960; Он же. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6.; Он же. Борьба за перевоспитание старой технической интеллигенции в восстановительный период // История СССР. 1965. № 4. с. 106 – 120; Он же. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; Федюкин С.А. и др. Советская интеллигенция (История формирования и роста, 1917 – 1965). М., 1968; Федюкин С.А. Октябрьская революция и интеллигенция. М., 1968; Он же. Художественная интеллигенция в первые годы Советской власти // История СССР. 1969. № 1. с. 8 – 26; Он же. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; и др.

<sup>19</sup> Советская интеллигенция. Советская историческая и философская литература за 1968 – 1977 годы. Новосибирск, 1988.

вопросы трактовались тенденциозно (например, о крепостной интеллигенции, об интеллигенции в эмиграции). Однако в то же время в советской историографии интеллигенции был накоплен огромный фактический материал, проделана значительная, источниковедческая и историографическая работа, прошли первые научные конференции и симпозиумы по истории интеллигенции, появились обобщающие исследования по данной тематике С.А. Федюкина, М.П. Кима, Л.М. Зак, Л.В. Ивановой, Ю.С. Борисова, В.Л. Соскина, М.Е. Главацкого, В.С. Волкова и других историков, были созданы научные центры и школы отечественных исследователей истории интеллигенции (Свердловск, Новосибирск, Ленинград, Иваново)<sup>20</sup>.

---

<sup>20</sup> См., напр.,: Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970; Астахова В.И. Советская интеллигенция и её роль в общественном прогрессе. М., 1970; Бармин И.П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции (1928 – 1933 гг.). М., 1965; Валиев А.К. Октябрь, культура, интеллигенция. Ташкент, 1977; Волков В.С., Алексеев В.П. В.И. Ленин и формирование социалистической интеллигенции в СССР. Л., 1969; Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928 – 1937 гг.). Курс лекций. Л., 1975; Гербач В.В. КПСС – организатор сотрудничества рабочего класса со старой технической интеллигенцией. М., 1980; Гетманов Ю.М. Партийное руководство формированием советской интеллигенции в период строительства социализма (на материалах Центрального Черноземья). Воронеж, 1987; Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926 – 1937 гг.). Свердловск, 1974; Добрускин М.Е. Несостоятельность антикоммунистической концепции роли интеллигенции. Киев, 1983; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1983; Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Он же. В.И. Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революциях, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1970; Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981; Заузолков Ф.Н. Коммунистическая партия – организатор создания научной и производственной интеллигенции СССР. М., 1973; Иваненко А.Е. Ленин и кадры: подбор, расстановка, воспитание. Октябрь 1917 – 1918. Львов, 1979; Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917 – 1927 гг.). М., 1980; Из истории борьбы КПСС за формирование кадров советской интеллигенции в период строительства социализма: Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 282. Л., 1966; Из истории советской интеллигенции. Сборник статей. М., 1966; Из истории советской интеллигенции. Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. Новосибирск, 1974; Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1976; Из истории формирования социалистической интеллигенции. Сборник научных работ. Л., 1972; Интеллигенция и революция. XX век. Сборник статей. М., 1985; Интеллигенция и социалистическая культура. Сборник научных трудов. Л., 1975; Карапетян Р.О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974; Он же. Интеллигенция в социальной структуре общества. М., 1974; Катунцева Н.М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции в СССР. М., 1966; Она же. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М., 1977; Ким М.П. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967; Коммунистическая партия – организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928 – 1937 гг.). Сборник научных трудов. Л., 1973; Корнилов Е.Г. Земская демократия интеллигенция и её участие в революционном движении 70-х XIX века. М., 1973; Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918 гг.). Новосибирск, 1985; Крепостная интеллигенция в России. М., 1983; Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль – октябрь 1917 г.). М., 1982; Кувакин В.А. Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976; Кузнецов Ю.С. Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917 – 1925 гг.). Минск, 1982; Лебин Б.Д. Ленин и научная интеллигенция. Л., 1969; Лутченко А.И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР (1926 – 1958 гг.). Минск, 1973; Мамаева К. Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция. Рига, 1967; Методологические проблемы исследования места интеллигенции в социальной структуре развитого социализма: Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции. М., 1979; Некоторые проблемы развития советской интеллигенции и возрастания её роли в строительстве коммунизма. М., 1979; Ониани В.С. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970; Пинегина Л.А. Советский рабочий класс и художественная культура (1917 – 1932). М., 1984; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986; Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977; Семёнов В.С. О партии и

Всё это подготовило базу для развертывания широкою фронта исследований по истории интеллигенции во второй половине 1980-х годов. Первоначальным импульсом для резкого возрастания интереса к истории интеллигенции стало провозглашение "гласности", "перестройки" и «перехода к общечеловеческим ценностям». Во главе почти всех "перестроечных" процессов шла интеллигенция, что меняло отношение к ней в обыденном политическом сознании. Накопленная историками критическая масса новых фактов, не вмещающихся в прежние теоретические построения, меняющееся общественное сознание требовали нового подхода к рассмотрению истории интеллигенции. В конце 1980-х годов попытки подобного переосмысления проблемы делались в фарватере процесса очищения марксизма-ленинизма от сталинско-ждановских догматов. Для этого был осуществлен возврат к основным марксистским положениям по вопросам интеллигенции первой трети XX века. «Ренессанс» работ А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, А.М. Горького, А.А. Богданова и других социалистов позволил историкам интеллигенции заняться пересмотром теоретико-методологических основ своих исследований, что было ранее невозможно<sup>21</sup>.

Смещение идеологических акцентов в оценке интеллигенции приводит к серьезным, сомнениям в правильности "до перестроечных" схем. Но порвать с ними было еще очень трудно. Практически изменения тогда коснулись лишь тематики исторических исследований, которые в это время мало отличались от публицистики. Повествования о бережном отношении «ленинской гвардии» к интеллигенции сочетались с описанием массовых репрессий против интеллигенции сталинской административно-бюрократической машины. Широкая публикация исторических документов, идеализация целой плеяды политических деятелей, которые еще недавно были «фигурами умолчания»,

---

интеллигенции в Советском Союзе (Против клеветнических измышлений буржуазных социологов). М., 1964; Он же. Интеллигенция и развитие социалистической культуры. М., 1968; Симуш П.И. Социальная роль и судьба интеллигенции. М., 1969; Смирнова Л.И. О Советах депутатов трудовой интеллигенции. М., 1966; Советская интеллигенция и её роль в строительстве коммунизма. М., 1983; Советская интеллигенция: История формирования и роста. 1917 – 1965 гг. М., 1968; Советская интеллигенция: Краткий очерк истории. М., 1977; Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М., 1987; Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; Социальное развитие советской интеллигенции. М., 1986; Структура советской интеллигенции (По материалам БССР). Минск, 1970; Темирбаев К.М., Украинцев В.В. Очерки истории советской культуры. М., 1980; Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР (1917 – 1937 гг.). М., 1966; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трёх революций в России: Пособие для учителя. М., 1985; Фёдорова О.П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985; Формирование и развитие социалистической интеллигенции. Сборник научных трудов. Кемерово, 1982; Халзанов К.Х. Формирование кадров национальной интеллигенции в автономных республиках Сибири. М., 1965; Художественная культура и интеллигенция Сибири 1917 – 1945 гг. Новосибирск, 1984; Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965; и др.

<sup>21</sup> Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990; Бухарин Н.И. Избранные произведения. Новосибирск, 1990; Горький А.М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990; На переломе: Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990; Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991; и др.

частичное расширение доступа в архивы и фонды специального хранения библиотек, неожиданная доступности исследований зарубежных авторов, огромный общественный интерес – вот те факторы, которые сделали тематику, связанную с историей интеллигенции, одной из наиболее популярных. Однако на гребне этой популярности профессиональные работы историков оказались оттесненными на второй план многочисленными изданиями публицистических сочинений. Историки, пытающиеся с научной точки зрения проанализировать поток новой информации и дать взвешенную оценку, нередко обвинялись в догматизме и консерватизме. Однако в научной среде в это время проходили и плодотворные дискуссии (например, серия публикаций по поводу статьи А.В. Ушакова «Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции» в журнале "Вопросы истории", 1987, № 10)<sup>22</sup>.

Появились работы с новыми, интересными подходами к истории интеллигенции (О.Н. Знаменский, П.В. Волобуев, Л.Я. Смоляков и другие)<sup>23</sup>. Однако и в них ощущалась некоторая заданность взглядов и оценок. Советской историографии истории интеллигенции становилось тесно в узких рамках прежней научной парадигмы, пусть и пересмотренной, подправленной, усовершенствованной.

И вот на рубеже 1980-х – 1990-х годов предпринимаются попытки критического подхода к большевистской истории, ленинизму, марксизму. "Пробным камнем" здесь была серия публикаций, в различных органах массовой информации о "Смене вех"<sup>24</sup>. Это сложное общественно-политическое течение интеллигенции начала 1920-х годов рассматривалось в публикациях как реальная альтернатива командно-коммунистической системе. Позже уже открыто начинают говорить и писать о пагубности, большевизма для России, ссылаясь на труды Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, П.А. Сорокина и других мыслителей первой трети XX века. Печать заполнилась публикациями о «красном терроре», о массовых расстрелах интеллигенции, о высылках за границу, а начале ГУЛАГовской системы. Только за один 1989 год появилось более ста публикаций по данной проблематике<sup>25</sup>. Вчерашние кумиры из числа "ленинской гвардии" представляли в столь же

---

<sup>22</sup> Блинов Н.В. Полемика нуждается в продолжении // Вопросы истории. 1990. № 1. с. 181 – 183; Ложкин В.В., Шацилло К.Ф. По поводу статьи А.В. Ушакова «Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции» // Вопросы истории. 1988. № 5. с. 142 – 148; Сайкин О.А. Революционное движение в России и демократическая интеллигенция // Вестник высшей школы. 1987. № 11. с. 93 – 95.

<sup>23</sup> Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988; Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. Киев, 1986.

<sup>24</sup> Подробнее об этом см.: Байлов А.В., Шипилова Р.А. Некоторые проблемы историографии «сменовеховства» // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991. Вып. 1. с. 11 – 13.

<sup>25</sup> Брачёв В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. с. 117 – 129; Елфимов Е.А., Щетинов Ю.А. Три процесса над старой интеллигенцией (1928 – 1931 гг.) // Политическое образование. 1989. № 16. с. 69 – 75; Куманёв Б.А. Сульба советской интеллигенции в 30-е годы // История СССР. 1990. №

неприглядном виде, в каком до этого представлялось только сталинское окружение. Перепечатки работ зарубежных авторов, еще недавно считавшихся "антисоветскими", введение в научный оборот значительного объема новых источников, по истории интеллигенции, и, главное, доступность немарксистских теоретических трудов заставили советских историков отказаться от прежних теоретико-методологических подходов. Однако воспитание и образование на основе классовой полярности исторического процесса зачастую приводили лишь к смене полюсов оценок. Заимствование чужих оценок велось порой без достаточного осмысления и критического рассмотрения. Так, рассказ о репрессивной политике антибольшевистских сил в отношении интеллигенции уступил место в работах некоторых историков рассмотрению судеб отечественной интеллигенции, пострадавшей от большевиков. При этом без достаточной критической проверки назывались цифры жертв, уже давно отвергнутые в зарубежной историографии<sup>26</sup>. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что критика коммунистического режима стала столь же общепринятой, сколь привычными ранее были разоблачения "клеветнических измышлений буржуазных фальсификаторов" и клятвы верности марксистско-ленинской методологии. Картина порой повторялась с точностью до наоборот, когда ставшие привычными цитаты из К. Маркса и В.И. Ленина заменялись на быстро приобретенные столь же широкую популярность цитаты из М. Вебера и Н.А. Бердяева. Данная парадоксальная ситуация заставила обществоведов в начале 1990-х годов приступить к поиску новых теоретико-методологических концепций истории интеллигенции на основе идейно-политического плюрализма.

Сегодня особый интерес в качестве теоретической основы исследования общественно-политических процессов в среде интеллигенции представляет выработанный в обществоведении подход к определению интеллигенции исходя из той функции, которую умственная деятельность выполняет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связность и гомогенность общественной

---

1. с. 23 – 29; Сапов В.В. Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990. № 3. с. 112 – 114; и др.

<sup>26</sup> Так, известный публицист Р.А. Медведев в свойственной ему манере игнорирования ссылок на какие-либо источники и литературу утверждает: «С 1927 по 1929 год включительно в тюрьмах, ссылке, политизоляторах оказалось около 1 миллиона человек – «буржуазные» специалисты, как правило, добросовестно работавшие в советских учреждениях, но после «Шахтинского дела» объявленные «врагами»» (Медведев Р.А. Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. № 5). Более внимательное прочтение статьи Р.А. Медведева и сопоставление его данных с другими, даёт основание утверждать, что автор оказался в плену больших цифр известного исследования американского историка Р. Конквиста «большой террор» (Оксфорд, 1974. с. 962). Цифровые подсчёты жертв сталинщины, приведённые Р. Конквистом, уже подвергались критике (См.: Максудов С. Дискуссии на Западе о потерях советского населения в эпоху коллективизации // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. т. 4. с. 388 – 389). Повторное воспроизведение данных цифр как впервые предпринятых подсчётов без каких-либо комментариев дезориентирует читателей.

жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. При таком подходе, интеллигенцией является группа людей, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей. Данный подход позволяет видеть в интеллигенции не некую "прослойку", объединенную характером труда, выполняемого ее членами, и стабильно присутствующую, в обществе наряду со "средними слоями", а совершенно особую часть общества, с одной стороны, являющуюся необходимым условием самого существования именно данного общества, с другой стороны, претерпевающую разительные изменения по изменений, происходящих в обществе.<sup>27</sup>

Первоначально интеллигенция существовала как численно ограниченная, небольшая категория лиц, обладавшая досугом и достатком и осуществлявших фактическую монополию на умственный труд, – в условиях, когда в обществе сохранялись сословные традиции, известная устойчивость социальных делений<sup>28</sup>. В этих условиях интеллигенцию окружал ореол “избранности” и исключительности, поле относительной самостоятельности интеллигенции, определяемое характером её связи с господствующим классом, была достаточно широко и представляло ей большую свободу.

Все эти предпосылки способствовали выработке у интеллигенции своеобразной идеологии, в которой интеллигенция осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества, общечеловеческих ценностей. Приоритет общечеловеческих ценностей и нравственных норм над узкоклассовыми групповыми – это не изобретение новоявленных теоретиков и не реанимация утопических идей, а требование времени, жесткий императив. За этим императивом стоят объективные противоречия современной эпохи.

Общественное развитие неизбежно приводит к изменению функций интеллигенции, которое отражается и в изменении ее положения в обществе. Исчезает монопольное положение интеллигенции, распадается традиционные культурно-исторические связи, в рамках которых она существовала в классической культуре. Интеллигенция уже не может мыслить за другие группы, сообщая им абсолютную истину или гуманистическую мораль, так как сама оказывается перед непонятной ей раздробленностью реальности, распавшимся целым. "Поэтому интеллигенция, с одной стороны, выражает себя в социальных утопиях иррационалистического,

---

<sup>27</sup> Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. с. 335.

<sup>28</sup> Там же. С. 334.

апокалиптического характера – в той мере, в какой она не мирится со сложившимся положением и продолжает традицию социальной критики, а с другой стороны, – в технократической по своему характеру социальной и идеологической инженерии – в той мере, в какой интеллигенция идет на социальную резиньяцию и интегрируется в систему (или просто органически порождается ею самой). В тех формах социально-критической мысли, которые интеллигенцией порождаются, часто бывает трудно различить, что является реакцией на действительные пороки общества, а что – тоской по утраченной интеллектуальной монополии"<sup>29</sup>.

Актуальность подобных взглядов на интеллигенцию, привлекательность их для историков повышаются в последние годы, когда все большее число исследователей испытывает неудовлетворенность теоретико-методологическими установками, считавшимися несколько лет назад, единственно правильными, и пытается найти новые опоры для конкретных исторических исследований. Вместе с тем и в конце 1990-х годов оставались историки, не желавшие поступаться принципами ждановско-сусловского фундаментализма, и те, кто пытался подчистить исторический фасад так и не построенного здания коммунизма, и те, кто не успевал "перестроиться", а потому был вынужден эклектически сочетать в своих работах прежние подходы с новыми декларациями. Нашлись и такие, кто пожелал идти впереди всех, используя в публикациях, конгломерат из работ зарубежных авторов. События августа 1991 г. не только усилили подобный плюрализм, но и заставили всех творчески мыслящих исследователей задуматься, в рамках какой научной парадигмы они будут продолжать свои изыскания. Данные тенденции проявили себя на научных конференциях последних лет, проходивших в Кемерове, Новосибирске, Екатеринбурге, Иванове<sup>30</sup>. Плодотворные дискуссии по вопросам истории интеллигенции нашли свое место на страницах периодики, в том числе и в изданиях отечественных обществоведов. Заметное воздействие на историческое сознание оказали и монографические исследования, подготовленные к печати ранее, но увидевшие свет лишь в 1990-е годы (это работы Ю.С. Борисова, К.Г. Барбаковой, В.А. Мансурова, В.А. Куманева и других авторов)<sup>31</sup>. В статье А.Н.

---

<sup>29</sup> Там же. С. 336.

<sup>30</sup> Вторая конференция по социальной истории советской науки (Москва, Институт истории естествознания и техники АН СССР 21 – 24 мая 1990 г.). Тезисы. М., 1990; Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Кемерово, 1991. Вып. 1 – 2; Интеллигенция и политика. Тезисы докладов межрегиональной научно-теоретической конференции 18 – 19 апреля 1991 года. Иваново, 1991; Интеллигенция в политической истории XX века. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 23 – 24 апреля 1992 г. Мваново, 1992; Интеллигенция в советском обществе. Сборник статей. Кемерово, 1993; и др.

<sup>31</sup> Борисов Ю.С. Производственные кадры деревни, 1917 – 1941: Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины? М., 1991; Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М.,

Севастьянова была сделана интересная попытка синтезировать различные подходы к изучению интеллигенции, выделив в изучаемом объекте – общем понятии "интеллигенция" – три условных уровня. К первому, наиболее широкому уровню А.Н. Севастьянов относит, тех представителей интеллигенции, которые необходимы всем примерно в равной мере – врачей, учителей, юристов, офицеров, священников, научно-технических работников, некоторую часть художественной интеллигенции. Интеллигенция второго уровня – это те, чьими трудами обеспечиваются специфические потребности главным образом самой интеллигенции – историки, философы, социологи, литературоведы и искусствоведы, некоторая часть писателей, композиторов, художников и т.п. К интеллигенции третьего, достаточно узкого по своим границам уровня относятся генераторы основополагающих идей, определяющих деятельность всей интеллигенции в целом<sup>32</sup>.

Действительно, в любом обществе, и особенно в идеократическом, интеллигенция и ее взгляды зависят от положения в обществе. Интеллигенция постоянно испытывает неудовлетворенность своим социальным и материальным положением, стремится повысить свой статус в обществе. Власть пытается использовать данные претензии интеллигенции в своих целях. В отношении интеллигенции низшего уровня, как правило, проводится политика невмешательства в их профессиональную деятельность при условии лояльности государственной системе. Интеллигенты второго уровня – гуманитарии, обществоведы, идеологи – испытывают прямое вмешательство государства в свою профессиональную деятельность. Интеллигенция третьего уровня обычно входит в идеологическую, культурную, правящую элиты общества, ибо власть осознает необходимость в высококвалифицированных советниках, имеющих влияние на общественное сознание.

В России, представляющей собой скорее не единое цивилизационное, а особое культурное евроазиатское пространство, периодически наблюдаются волны кризиса. В этих кризисах затрагиваются традиционные общественные структуры, чем пытаются воспользоваться интеллигенция, "примыкая" к консервативным или революционным силам. В этом основа традиционных "метаний" интеллигенции, которая испытывает тревогу за развитие общества и одновременно несет общецивилизационные стремления оградить индивидуальности от подавления обществом в ломающихся социальных структурах. Данное стремление интеллигенции взять на себя функции проводника и

---

1991; Куманёв В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки). М., 1991; и др.

<sup>32</sup> Севастьянов А.Н. Двести лет из истории русской интеллигенции: Попытка социологического анализа // Наука и жизнь. 1991. № 3. с. 106 – 113.

толкователи передовых гуманистических идей, связанные с адаптацией данных идей применительно к местным условиям, с течением времени вырождаются в революционное доктринерство большевизма, адаптировавшее великие идеи социалистов-утопистов до теоретического обоснования практики барачного социализма.

Однако было бы неправомерно под общее понятие интеллигенции подводить социальный слой из разных временных срезов. С изменениями общества происходили изменения и в интеллектуальных слоях. Увеличение количества интеллектуалов в общественной структуре, возрастание их роли в общецивилизационном процессе предопределяют изменение значения интеллигенции для общества. При этом утвердившийся с середины 1860-х годов взгляд на интеллигенцию как на исключительно оппозиционную силу и на противостояние власти, как на один из основополагающих признаков интеллигента, представляется необоснованным. Представители интеллигенции всегда отличались критической направленностью мыслей, однако критика могла быть конструктивной, способствующей само реформированию власти, и деструктивной, призывающей к слому властных структур. Поэтому интеллигенция могла включаться в элитные структуры власти с надеждами на осуществление реформ, а могла сливаться с радикальными антиправительственными силами. Интуитивное понимание этого заставило большевистское руководство в конце 1920-х – начале 1930-х гг. уничтожить интеллигенцию как социальный слой.

Современное состояние исследования истории российской интеллигенции связана с новым положением интеллигенции в обществе и новым самоощущением отечественного историка. Еще недавно историки постоянно ощущали заданность исследования, где лишь происходило подтверждение определенных схем. В некотором отношении историку было легче, ибо от него лишь требовалась проиллюстрировать конкретными фактами неумолимое действие исторических законов, открытых теоретиками марксизма-ленинизма. Ныне историк ощущает себя не только исследователем прошлого, он сам оказывается включенным в исторический процесс. Свобода выбора и новые исследовательские возможности дают небывалый простор творчеству, однако нет прежней, казавшейся незыблемой, идейно-теоретической основы. Коммунистические аксиомы оказались идеологическими заклинаниями. Данная ситуация остро ощущалась историками на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Это заставляло их приступить, к поиску новых теоретико-методологических концепций истории интеллигенции. Стало ясно, что,

как при кризисе классической физики возникла теория Эйнштейна, так и в истории назрела необходимость в качественно новых подходах, и они начинают зарождаться<sup>33</sup>.

В чем же новизна современного этапа историографии интеллигенции? В первую очередь история становится подлинно гуманитарной наукой. Исследователи все яснее осознают, что при изучении, исторических сюжетов мы оказываемся перед проблемой изучения Объекта, сравнимого с Исследователем по совершенству. Исследователь подходит к изучению такого Объекта в наивной убежденности, что мудрость Исследователя превосходит сложность Объекта. Однако на деле даже, простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждением уже сформировавшимся у нас гипотезам. "То, что мы знаем, мешает нам увидеть то, что мы видим" – Исследователь, убежденный, что описывает выбранный Объект, видит лишь фрагмент его, далеко не всегда самый значимый, и не подозревает о том, что Объект во всей его сложности и целостности ускользает от его внимания. Современное гуманитарное сознание пришло к выводу, что без развития Личности не может быть развития Человечества. Ликвидация прежней конфронтации миров, идеологий, классов, наций создает возможности для нового осознания обще цивилизованных ценностей. Поэтому возникла потребность по-новому взглянуть на развития цивилизации, человечества и человека. Ведь прежние исторические схемы казались логически непротиворечивыми и убедительными именно потому, что их действие не предполагало участия Человека, Личности, полностью исчезавшего в этом качестве внутри абстрактных классовых сил. А поворот к человеку, признание его во всей сложности человеческих потребностей, мотивов, эмоций, духовных исканий центром исследования заставляет гуманитариев обращаться к новым для них понятиям расплывчатых множеств, плохо сформулированных задач, стремиться к установлению более тесных связей между смежными гуманитарными науками.

При этом историки интеллигенции сегодня ощущают еще и специфические сложности, связанные с тем, что, пытаясь созерцать свой Объект исследования со стороны, они не перестают между тем быть частью этого Объекта, на личном опыте их сказываются изменения, происходящие в интеллигенции. Современный историк интеллигенции не может не слышать обращенных к нему вопросов всей современной

---

<sup>33</sup> См. материалы дискуссий по интеллигенции 1990-х годов: Интеллигенция древняя и новая: материалы дискуссии за «круглым столом» в Институте востоковедения АН СССР // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. с. 39 – 56; № 3. с. 78 – 86; Интеллигенция и народ: Материалы обсуждения, проведенного дискуссионным клубом «Свободное слово» // Философские науки. 1990. № 1. с. 48 – 63; Интеллигенция и народ: Статьи // Философские науки. 1991. № 3. с. 44 – 50; Народ и интеллигенция: Материалы «круглого стола» 18 ноября 1989 г. / Ред.-сост. П.В. Тулаев. М., 1990; и др.

интеллекции, для которой сегодня жизненно важно уяснить уроки прошлого, осознать свое место в обществе сегодня и увидеть перспективы общественного развития и оценить свою роль в нем.